

ГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. КОРОТКЕВИЧА И ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭПОХИ

Известно, что культура — диалогический феномен, следовательно, в формировании художественно-эстетических ценностей нации, в распространении эстетических идей, в обогащении культуры и литературы огромное значение придается литературно-культурным взаимоотношениям. С этой точки зрения, любые бинарные литературные взаимоотношения являются позитивным фактором, существуют ли они между родственными культурами или отдаленными. Определенные элементы грузино-белорусских литературно-культурных взаимоотношений можно искать и в прошлом, однако серьезные сдвиги в истории этих отношений начались с 30-х гг. XX в., когда грузинские и белорусские писатели уже всерьез заинтересовались художественно-эстетическими достижениями друг друга и начали активный обмен культурными ценностями.

Грузино-белорусские литературно-культурные взаимоотношения начали усиливаться с 1960-х гг. и самой впечатляющей отметки своего развития достигли в 70–80-х гг. XX в.

На грузинский язык были переведены произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, М. Богдановича, Петруся Бровки, Василя Быкова, Ивана Мележа, Максима Танка и др. На белорусский язык в 1960-е гг. был снова переведен «Витязь в тигровой шкуре», также были опубликованы белорусские переводы Р. Инанишвили, Н. Лордкипанидзе, К. Лордкипанидзе и др.

Несмотря на то, что В. Короткевич создал целую эпоху в истории белорусской литературы и культуры и с необыкновенной ясностью представил художественно-эстетический потенциал белорусской нации, по определенным объективным причинам его творчество активно не включилось в ареал грузино-белорусских литературных взаимоотношений. Грузинская нация в недостаточной степени знакома с творчеством В. Короткевича.

Единственным опубликованным поэтическим переводом является перевод стихотворения «Партизанская баллада», который был напечатан в антологии «Белорусские советские поэты» [1, с. 13]. Грузинский перевод этого стихотворения принадлежит талантливому переводчику Отару Шаламберидзе. Переводчик не владел белорусским языком, поэтому перевод был выполнен с подстрочника, но он хорошо передает художественный мир оригинала. Перевод предваряет краткая биографическая справка об авторе, где указаны его сборники стихов «Сердце матери», «Вечерний парус», «Моя Илиада» и отмечено, что В. Короткевич является автором сборника рассказов и романа «Колосья под серпом твоим». Судя по этой информации, предполагается, что В. Короткевичем написан лишь один роман, и это — досадная неточность, в то же время говорящая о многом, поскольку тот факт, что такое весьма авторитетное издательство, как «Сабчота сакартвело», могло допустить такую небрежность, заставляет нас задуматься, что это была не техническая

неточность, от которой, разумеется, никто никогда не застрахован, а логический результат того, что в конце 70-х гг. XX в. В. Короткевич не был достаточно известным писателем в Грузии.

В личном архиве известного грузинского литературоведа, писателя и переводчика Нугзара Церетели (родился в 1936 г.) мы обнаружили неопубликованные переводы 8 стихотворений В. Короткевича: «Быў. Ёсць. Буду...», «На Беларусі Бог живе», «Радок бяззбройны і бяспрэчны...», «Абцяюць нам новы раскошны дом...», «Нават сцюжным зімовым вечарам...», «Блякла-сіняе неба і чырвань галін...», «О любоў мая, Беларусь...», «Можна ўсё: пусціць каханне дымам». Здесь же были сохранены подстрочные переводы этих же стихотворений, которые выполнены достаточно профессионально. Эти подстрочные переводы — тексты, напечатанные на машинке, без всяких приписок и указаний автора подстрочника.

Н. Церетели для переводов выбрал именно те стихотворения, в которых с необыкновенной силой проявился художественно-эстетический мир В. Короткевича и многогранность тематики: безграничная любовь к родине, родному народу, его традициям, природе, языку и культуре, вера в его будущее, мысли о любви, человеколюбии и других вечных проблемах.

Переводчик глубоко проник в содержательный и художественно-эстетический мир стихотворений и создал запоминающиеся поэтические переводы на грузинский язык.

Особенно впечатляюще звучат на грузинском полные нежного лиризма строки стихотворения В. Короткевича: «Блякла-сіняе неба і чырвань галін...». Переводчик с минимальными потерями передает мысль автора, красочную картину белорусской осени и бытовые реалии, он старается сохранить звучание оригинала. Это тот счастливый случай, когда диалог культур с успехом осуществляется посредством поэтического перевода. Благодаря Н. Церетели читатель перевода получает ту же художественную информацию и эмоциональный заряд, что и читатель оригинала.

Повесть В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» была переведена на грузинский язык в 1991 г. [4]. Перевод был выполнен с оригинала Вахтангом Салиа, хорошим знатоком белорусской литературы и культуры. Он изучал белорусский язык и литературу в Белорусском государственном университете в 1970-х гг. XX в. Как известно, «Дикая охота короля Стаха» была написана в 1958 г. и впервые напечатана в журнале «Маладосць» в 1964 г. Грузинского переводчика повесть заинтересовала с точки зрения многих аспектов. В том числе:

1. Несмотря на то, что советское правительство не приветствовало освещения вопросов истории Великого Княжества Литовского, белорусский писатель в своей повести поставил именно эти вопросы.

2. Метафоричность — исторически характерная черта для грузинской литературы. Повесть В. Короткевича привлекла внимание грузинского переводчика и своей глубокой метафоричностью.

К сожалению, в истории грузино-белорусских переводческих связей это был практически последний большой проект. Такие крупные произведения с белорусского языка на грузинский язык больше не переводились. Пересмотр грузинских переводов произведений В. Короткевича убеждает нас в правильности мысли, что «лѣс (альбо фартуна) твору на нацыянальным або міжнародным узроўнях залежыць ад існавання злучнасці довадаў на карысць існых у ім цнотаў. Складнікамі фартуны выступаюць поспех твору і ягоны ўплыў на чытача» [2, с. 71].

Мы хотели бы обратить внимание на причины, обусловившие уровень знакомства грузинского читателя с творчеством В. Короткевича. У каждого писателя есть своя писательская судьба, и в определении этой судьбы участвует много субъективных и объективных факторов. Если анализировать судьбу Владимира Короткевича как писателя, то следует отметить, что он, благодаря своему таланту, был по-настоящему избалован читателями, которые любили и доверяли ему. В то же самое время его творчество было по достоинству оценено лишь в последние годы жизни и после смерти. Как известно, В. Короткевич получил премию имени Ивана Мележа в 1983 г. за роман «Нельга забыць», а государственная премия Белоруссии имени Якуба Коласа была присвоена ему после смерти, в 1984 г., за «Чорны замак Альшанскі».

Писатель не был особенно избалован и официальным литературоведением. Например, в вышедшей в 1977 г. «Истории белорусской советской литературы» творчеству В. Короткевича не отведена специальная глава [5]. Специальные главы в учебнике отводятся творчеству двадцати белорусских писателей. Среди них присутствуют классики старшего поколения Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бядуля, Кузьма Чорный, Михась Лыньков и др.; представители последующего поколения белорусских писателей: Иван Мележ, Иван Шамякин, Янка Брыль, Василь Быков, Андрей Макаёнок. Правда, В. Короткевич несколько младше поколения этих писателей, однако в середине 70-х гг. XX ст. он уже был известным писателем, поэтом, драматургом, автором «Дикой охоты короля Стаха». По отношению к нему советское правительство могло бы проявить больше симпатий, а утонченный талант писателя, действительно, давал возможность помещения в учебник специальной главы, посвященной его творчеству. В то же самое время нельзя сказать, что творчество писателя игнорировалось совершенно в «Истории белорусской советской литературы»: его творчество неглубоко, но все-таки описано в обзорной главе «Литература на современном этапе».

В. Короткевич говорил и писал то, что ему диктовала его писательская и гражданская совесть [3]. Неудивительно, что советское правительство и советская цензура не были к нему особенно расположены, поскольку не видели в нем до конца благонадежную личность, прекрасно помнили, что еще молодой писатель В. Короткевич вступил в полемику по поводу романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» [6], который советским искусством был признан идеологически неблагонадежным. Поэтому, если некоторые советские писатели могли

публиковать свои произведения сомнительной художественной ценности буквально, едва осушив чернила, публикация некоторых произведений В. Короткевича бесконечно задерживалась, а иногда его книги доходили до читателя с опозданием в 20 лет. Советскому правительству было ясно и то, какой вклад В. Короткевич вносил в формирование национального самосознания белорусского народа, как он проповедовал народу любовь и преданность белорусским традициям, культуре, истории, как он старался освободить его от того комплекса, который сформировался у народа на протяжении его тяжелой истории и который называется комплексом национальной неполноценности. Крайне важно то обстоятельство, что белорусская нация, увиденная глазами писателя, — это достойная европейская нация с многовековой культурой и историей, красивейшим языком и истинными нравственно-культурными ориентирами. Это не просто романтизированное или поэтическое видение писателя, но реалистическая, объективная оценка великим мыслителем фактов и явлений жизни белорусского народа. Оценка, которая опирается на глубокое проникновение и анализ истории, культуры, традиций, характера нации. Вместе с другими белорусскими мыслителями В. Короткевич способствовал духовному подъему молодого поколения, которое, в свою очередь, впоследствии подготовило идеологическую основу для независимости Белоруссии.

Тот факт, что официальная пропаганда творчества В. Короткевича в меньшей степени происходила на его родине, с точки зрения восприятия его творчества, не мог не оказать влияния на все пространство советской культуры, в том числе и на Грузию. И этим обстоятельством можно объяснить, что творчество этого важнейшего писателя Белоруссии недостаточно широко представлено в истории грузино-белорусских взаимоотношений.

Как известно, в советский период между советскими народами были интенсивные литературно-культурные взаимоотношения. Хотя эти взаимоотношения были крайне идеологизированы, и часто осуществлялась пропаганда произведений достаточно сомнительной художественной ценности, в то время, как истинные ценности замалчивались. Тем не менее, советские писатели и переводчики подчас разрывали оковы цензуры и проповедовали истинные идейно-эстетические ценности. Поэтому в целом эти взаимоотношения следует оценить как позитивное культурное явление, и, самое главное, необходимо брать все положительное, убрать политический налет, и с точки зрения сегодняшнего дня, с художественно-эстетических позиций XXI в., позаботиться о восстановлении этих контактов и возведении их на новые высоты.

В. Короткевич является важнейшим представителем белорусской литературы, без его творчества восприятие белорусской литературы в Грузии никогда не будет полноценным и его творчество должно еще активнее включиться в обмен культурными ценностями между Грузией и Белоруссией.

1. Белорусские советские поэты. — Тбилиси, 1978 (на груз. языке).
2. Брунэль, П. Што такое параўнальнае літаратурнаўства / П. Брунэль, К. Пішуа, А. Русо; пер. з фр. С. Барысевича, А. Дынька. — Мінск: Цэнтр еўрап. даслед. і культур. ініцыятыў «ЭўроФорум»: Бел. фонд Сораса, 1996. — 238 с.
3. Дзіця з вачамі празарліўца // «Мінский курьер», 2005. [Электронны ресурс]. — Режим доступу: <http://news.21.by/2005/11/24/8989.html>. <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. — Дата доступу: 14.10.2013.
4. Короткевич, В. Дикая охота короля Стаха / В. Короткевич; перевод на груз. яз. В. Салиа. — Тбилиси, 1991.
5. История белорусской советской литературы / АН БССР, Ин-т лит. им. Я. Купалы; ред.: И. Я. Науменко, П. К. Дюбайло, Н. С. Перкин. — Минск: Наука и техника, 1977. — 775 с.
6. Рублевская Л. Писатель, время, легенда [Электронный ресурс]. — Режим доступу: <http://www.sb.by/post/34880/>. — Дата доступу: 14.10.2013.

Жанна Некрашэвіч-Кароткая (Мінск)

МОДУСЫ ПАЗІЦЫЯНІРАВАННЯ АЎТАРА Ў ГІСТОРЫКА-ЛІТАРАТУРНЫМ ДЫСКУРСЕ БЕЛАРУСІ

Старажытная культура Беларусі на ўсім шляху свайго існавання адрознівалася глыбокай пашанай да літаратурнай творчасці і да пісьменніка — стваральніка невычэрпнага хараства мастацкага слова. Выключная павага да кніжніка, пісьменніка захоўвалася на Беларусі на працягу ўсёй эпохі Сярэднявечча, у часы Рэнесансу і Барока, у эпоху Асветніцтва і ў перыяд рамантызму. Праз пакутлівыя пошукі свайго эстэтычнага крэда прайшоў Янка Купала, каб годна заявіць: *«Цяпер маймі скарбамі — думкі-саколы, цяпер беларускай я песні ўладар»* (верш «Мая навука»).

Тым часам у эстэтыцы ХХ ст. паступова выпрацоўвалася крытычнае стаўленне да ролі аўтара, рабіліся спробы пераацэнкі яго адносін да мастацкага твора. У артыкуле «Аўтар і герой у эстэтычнай дзейнасці» Міхаіл Бахцін канстатаваў: «Барацьба мастака за пэўны і ўстойлівы вобраз героя ёсць у немалой ступені барацьба яго з самім сабой». На думку вучонага, самому «мастаку няма чаго сказаць аб працэсе сваёй творчасці — ...яму застаецца толькі ўказаць нам на свой твор, і насамрэч, мы толькі там і будзем яго шукаць» [3, с. 10–11]. У 1967 г. Ралан Барт у сваім праграмным артыкуле «Смерць аўтара» заявіў: «Выдаленне аўтара — ...гэта не проста гістарычны факт альбо эфект пісьма: ...цяпер тэкст ствараецца і чытаецца такім чынам, што аўтар на ўсіх яго ўзроўнях ліквідуецца» [1, с. 387]. Прыкладна ў той жа час у літаратурнаўстве з'яўляецца Ганс Роберт Яўс, які, прапагандуючы рэцэптыўна-эстэтычны падыход, даводзіць, што ў трохкутніку «аўтар — твор — публіка» апошняя не з'яўляецца пасіўным звяном, яна — «geschichtsbildende Energie» (энергія, якая творыць гісторыю), а сам літаратурны працэс Г. Р. Яўс разглядае як «дыялог твора і публікі» [17, с. 127]. Такім чынам, і ў межах гэтай навуковай канцэпцыі аўтар літаратурнага твора, хаця ўжо і з іншай — герменеўтычнай — матывацыяй функцыянальна і аксіялагічна адсоўваецца на другі план.